

Теория и исследования

Проблемы развития и бытия личности

Валерия Мухина, Андрей Хвостов

ОТЧУЖДЕНИЕ ОТ СЕБЯ: ГНЕВ, ПЕЧАЛЬ И УНЫНИЕ, УНИЧИЖАЮЩИЕ ДУШУ

Аннотация. В статье обсуждаются страсти печали и уныния, о которых говорится в Библии и последующих текстах Святых отцов, философии, начиная от древних греков, и в современных научных исследованиях. Анализируются печаль как психическое состояние, вызванное душевным бременем; уныние как соединенное с печалью психическое состояние. В статье рассматриваются: тяжелые чувства, прежде всего страдания, которые сопутствуют печали и унынию; продуктивные позиции человека по отношению к внешним условиям, которые удерживают от страданий печали и уныния и которые укрепляют духовные силы человека. Показано, что страсти человека – порок, возвращенный историей культуры.

Ключевые слова: страсти; печаль; уныние; страх и страдания; робость; скорбь; воздержание от удовольствий; нравственные добродетели; аффекты; зло; тревожность; двоичная сущность духовного склада человека; парциальная личность.

Abstract. Grief and despondency passions discussed in the Bible, follow-up texts of St. Fathers, philosophy, starting from ancient Greek, and contemporary scientific researchers are presented. Grief as a psychic state generated by emotional burden, and despondency as a connected with grief psychic state are analyzed. Hard feelings, mainly sufferings, accompanying grief and despondency are discussed. A man's productive positions to the circumstances, which prevent from grief and despondency sufferings and

which strengthen human high spirits are presented. It is shown that human passions, grief, despondency, fears and sufferings are sins cultivated by the history of culture.

Keywords: *passions; grief; despondency; fears and sufferings; shyness; sorrow; abstinence from the pleasures; moral virtues; affects; evil; anxiety; duality of human spiritual nature; partial personality.*

*И будут знамена в солнце и луне и звездах,
а на земле уныние нравов и недоумение...*

[Лк. 21:25]

Обратимся к обсуждению страсти печали и уныния в Библии, в последующих текстах Святых отцов, в философии, начиная от древних греков, и в современных науках, заинтересованных в постижении страстей человеческих.

Печаль и уныние –
тяжкие страсти
человеческие

Согласно текстам Библии *печаль и уныние* – тяжелые эмоции человека.

Печаль – психическое состояние, вызванное душевным бременем, которое может вести как к спасению, так и к гибели: «Ибо печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению, а печаль мирская производит смерть» [2 Кор. 7:11]. Согласно православию печаль по своей природе связана с грехом.

Печалится человек, который осознает собственные грехи: «Иссохло от печали око мое, обветшало от всех врагов моих» [Пс. 6:8]. Люди печалются из-за страданий, искушений и наказаний, но позднее это доставляет им «мирный плод праведности» [Евр. 12:11], и они преодолевают стоящие на их пути препятствия [1 Пет. 1:3–7]. Особая печаль происходит от страха за последствия принятого решения, так как это решение изначально осознается как неправильное.

Человек зависит
от всепожирающей
печали

Святой Иоанн Кассиан писал о том, что в пятой брани человек становится зависимым от всепожирающей печали, которая может получить возможность обладать нашим сердцем. Печаль, возмущив сердце, делает душу как бы обезумевшую и опьянелую, и сокращает ее пагубным отчаянием.

Душа, пожираемая угрызениями всеокрушительнейшей печали, начинает болеть и трепетать. Св. Иоанн Кассиан писал: «Иногда болезнь эта имеет обычай порождаться от предшествовавшей страсти, или гнева, или похотения, или любостяжания, когда кто испытывает потерю предвзятой в уме надежды удовлетворения

их делами или вещами не ради их; иногда же без всяких наличных причин, могших свергнуть нас в эту пропасть, по воздействию лукавого врага, внезапно схватывает нас такая прискорбность, что мы не бываем в состоянии принять с обычною приветливостью посещение даже самых дорогих и нужных нам лиц, и что бы ни было ими сказано в подходящем разговоре, почитается тогда нами неуместным и лишним...» [1].

Печаль
возбуждается
из-за сокрытых
в сердце оснований

Святой отец полагал, что не всегда по вине других возбуждаются в нас печали и прискорбности, но часто по причине, которая содержится в нас самих. Мы сами носим в себе причины всех печалей и скорбей именно всех страстей, которые, как только оросит душу нашу дождь искушений, тотчас прорываются в ростках и плодах своих. Святой отец писал: «Никто никогда не понуждается к греху, хотя бы дурной пример других возбуждал его к тому, если он не имеет сокрытой в сердце своей материи того греха» [2]. И далее: «Есть еще и иной род печали – непотребнейшей, когда она в душу согрешившую влагает не намерение исправить жизнь и очиститься от страстей, а пагубнейшее отчаяние. Она-то ни Каину не дала покаяться после братоубийства, ни Иуде не попустила после предательства взыскать средств удовлетворения, а увлекла его через внушенное ею отчаяние к удушению» [3].

Печаль полезна,
когда мы
раскаиваемся
в своих грехах

Святой Иоанн Кассиан полагал, что полезною печаль может быть только в том случае, когда мы раскаиваемся в своих грехах или когда горячо желаем совершенства. Такая печаль благопокорлива, приветлива, смирна, кротка и терпелива. А мира сего печаль крайне ропотлива, нетерпелива, жестка, исполнена отталкивающей строптивости, бесполезного горевания и пагубного отчаяния. Такая печаль, кого обнимает, расстраивает и отвлекает от всякого занятия и спасительного о себе болезнования. Эту пагубную страсть можем мы изгонять из себя, если занимать непрестанно душу свою духовным поучением.

Уныние принуждает
человека метаться
в поисках
освобождения

Святой Иоанн Кассиан, обзревая духовные брани, обращал свой взор к страсти уныния. Уныние – скука или тоска сердечная. Уныние сродни печали.

Когда уныние нападает на бедную душу, то человек начинает метаться в поисках освобождения от этой напасти: «Блаженный Давид весьма прекрасно выразил все пагубные последствия от этой болезни в следующем стихе: «Душа моя истаивает от уныния» [Пс. 118:28]. И подлинно не тело, а душа дремлет в это

время. Ибо душа, уязвлена стрелой этой разорительной страсти, действительно засыпает для всякого стремления к добродетели и наблюдения за своими духовными чувствами» [4].

Главное, что производит в нас дух уныния – то, что он разленивает, от дел отбивает и праздности научает.

Печаль легко
поглощает
опечаленного

Преподобный Нил Синайский также наставлял страждущих о страстях печали и уныния. Он писал: «Печаль есть львиная пасть, и легко поглощает опечаленного»; «Печаль есть червь в сердце...»; «Опечаленный не знает духовной радости»; «Опечаленный не подвигнет ум к созерцанию, ибо печаль всему доброму налагает препону»; «Не имеет силы печаль, когда нет других страстей»; «Связанный печалью побежден страстями»; «Кто победил страсти, тем не овладеет печаль». В то же время: «Любящий мир много имеет печалей»; «Любостыжательный, понесший утрату, горько печалится, а презревший имущество беспечален»; «Славолюбивый печалится, когда терпит бесчестие, а смиренномудрый принимает его»; «Темнота уменьшает энергию глаз, и печаль притупляет созерцательность ума»; «Кто презирает мирские удовольствия, того не потревожат печальные помыслы»; «Неисполнившиеся желания произрацают печали»; «Печаль бывает болезнью души и тела; душу берет она пленницей, а плоть иссушает» [5].

Страсть уныния есть
изнеможение души

Преподобный Нил Синайский размышлял и о страсти уныния. Он писал: «Уныние есть изнеможение души, а душа в изнеможении, не имея того, что ей свойственно по естеству, не устаивает мужественно и против искушений»; «Что пища для здорового тела, то искушение для мужественной души»; «Безводное облако уносится ветром, а не имеющий терпения ум – духом уныния»; «Легкий ветерок наклоняет слабое растение, и мысль о странствовании легко увлекает унылого»; «Хорошо утвердившееся дерево не преклоняется от напора ветра, и уныние не поражает окрепшие души»; «От уныния врачует терпеливость, и то, чтобы делать свое дело со всяким самопринуждением»; «Как внешний наш человек работает своими руками, чтобы не обременять других, так и внутренний пусть работает, чтобы не попустить уму обремениться помыслами; помыслы же тогда задают свою работу душе...»; «Терпение, благодушие и любовь благодарны и в скорбях, а уныние, льготность и самолюбие радуются покойной жизни» [6].

Дух уныния
расслабляет душу
человека

Дух уныния расслабляет душу человека и уничижает ее.

Святой Ефрем Сирианин наставлял людей о добродетелях и страстях. О борьбе с печалью святой писал: «Не давай печали сердцу своему, “ибо печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению, а печаль мирская производит смерть” [2 Кор. 7:10]»; «Если пришла на нас печаль, будем ожидать приближения к себе радости»; «Если случится с тобой огорчение, то потерпи его – не крайнее еще зло; тяжело же и опасно оставаться в огорчении...»; «Услышал неприятное слово – и скорбишь. Но если право уязвлен ты словом, радуйся, что уязвлен для вразумения и постарайся исправиться в своем падении. Уязвлен ты напрасно? Тем большая тебе награда, если благодушно перенесешь. И апостолы как злодеи биты были среди города, но не гневилась, не пришли в негодование, а радовались: “Они же пошли из синедриона, радуясь, что за имя Господа Иисуса удостоились принять бесчестие” [Деян. 5:41]»; «Кто-нибудь из нерадивых скажет может быть: “Прискорбно мне, что это случилось со мною после стольких трудов”? ... Не лучше ли из сего познать тебе, что после стольких лет труда, страсти твои все еще остаются непобежденными, и, познав это, начать с сего случая побеждать их? “Ибо кто почитает себя чем-нибудь, будучи ничто, тот обольщает самого себя” [Гал. 6:3]. Искусство кормчего обнаруживается во время бури. Приключилась тебе малая скорбь... В одну минуту погубил ты труд стольких лет...»; «Которая душа не мужается и не переносит с твердостью всякого искушения и всякой скорби, но огорчается, унывает, негодует, тревожится и нерадит о подвиге или даже отчаивается, как не имеющая уже надежды на избавление, та, не сохранив в себе упования, которое с несомненною верой ожидает милости Божией, конечно, не делается достойною жизни...»; «Как пенька не бывает годною для пряжи из ее тонких ниток, если не треплют ее много раз, но чем больше треплют ее, тем она делается чище и способнее к пряже: так и боголюбивая душа, подвергаясь многим искушениям и испытаниям и мужественно претерпевая скорби, делается чище и пригоднее к духовному деянию...» [7].

Духу уныния
следует
противостоять
с терпением

Святой Ефрем Сирианин наставлял также о борьбе с унынием. Он писал: «Если найдет на тебя дух уныния, не оставляй своего дома, но противостоянь своему духу с терпением. Да не убедит тебя помысел,

внушающий перейти с места на место. Ибо если склонись на сей помысел, то никогда не будет у тебя терпения»; «Приятна тебе праздность, но горек конец ей; изнемогаешь работая, но возвеселишься в послушании»; «Памятование о смерти ... есть меч против беса уныния»; «Из тяжких тяжкое иго – уныние, особенно, если имеет оно способницею неверие...»; «В унынии нападает (на человека – *авторы*) нерадение»; «Будем тверды сердцем, потому что слабость сердца против добродетели. Не станем малодушествовать, если случится с нами небольшое уныние, но будем сами себя приневоливать, подобно бодрому путнику. Путник, когда случится ему ослабеть на пути, не отказывается от цели дальнейшего путешествия, но утешает себя словами: “Еще немного и дойдешь...”»; «Держись того места, на котором живешь, сопротивляясь лени. Ибо не переменю и не расстоянием места, но только внимательностью ума можешь укротить страсти...»; «Блажен, кто ежечасно возделывает в себе прекрасные и добрые мысли, – и надеждою победил лукавую страсть уныния...»; «Блажен, кого не низложила, как немужественного, страсть уныния...»; «Когда дух уныния беспокоит тебя, не увлекайся помыслами его» [8].

Противные помыслы уныния следует отстранять от себя

Весьма много духовных образов обращал к человекам преподобный Святой Ефрем Сирианан, увещевая о том, что противные помыслы следует отстранять от себя и воодушевляться помыслами и поступками, которые идут на пользу человеческой душе.

От печали избавляет трезвление ума

Святой Иоанн Лествичник также преподносил человекам подвижнические уроки. В борьбе с печалью святой отец полагал, что если кто имеет пристрастие к чему-либо видимому, то еще не избавился от печали, ибо как не опечалиться, лишившись любимой вещи? При этом во всем нужно нам иметь трезвление. Святой отец говорил: «Нестяжательность суть убийцы печали». Он писал: «Досады, унижения и все подобные случаи в душе послушника уподобляются полынной горечи, а похвалы, чести и одобрения – меду. Но полынь очищает всякую нечистоту, а мед обыкновенно умножает желчь» [9]. О борьбе с духом уныния святой отец писал: «Уныние есть расслабление души, небрежение о подвигах, отвращение от обета...»; «Уныние подушает к странноприимству и докучает внушениями творить милостыню от рукоделья»; «Каждая из прочих страстей упраздняется одною какою-либо добродетелью; уныние же –

всеобъемлющая смерть. Из всех восьми предводителей зла дух уныния есть самый тягчайший»; «Плачущий о себе не знает уныния»; «Уныние происходит иногда от вкушения удовольствий чувственных, а иногда от бестрашия перед Богом»; «Благая надежда есть меч, которым инок побеждает и закаляет уныние» [10].

Вкушения
удовольствий
чувственных питают
уныние

Святой Иоанн Лествичник считал, что уныние происходит от вкушения удовольствий чувственных, от расслабления души, от небрежения о подвигах, от непослушания нравственным ценностям и совести, от бестрашия пред Богом. Святой отец наставлял о грехе страсти уныния.

Печаль и уныние –
страсти, опасные
для тела и духа

Печаль и уныние – две страсти, которые всегда находятся друг возле друга, две опасные для тела и духа страсти уничтожающие всю сущность человека.

Древние философы
размышляли
о страстях
человеческих

Задолго до зарождения православных идей о страстях человеческих размышляли древние философы. В другой стилистике, в других контекстах, но о том же – о страдании, о горечи, скорби и печали.

Ожидание горестей
вселяет страх и
страдания

Платон хотел сосредоточить внимание своего читателя на диалогах Сократа с другими философами. Обратимся к диалогу Сократа с Протархом:

«Сократ. Слушай: как только в нас, живых существах, расстраивается гармония, так вместе с тем разлагивается природа и появляются страдания.

Протарх. Вполне правдоподобно.

Сократ. Когда же гармония вновь налаживается и возвращается к своей природе, то следует сказать, что возникает удовольствие. <...>

Протарх. Пусть будет так.

Сократ. Допустим теперь, что в самой душе существует ожидание этих состояний, причем предвкушение приятного доставляет удовольствие и бодрит, а ожидание горестей вселяет страх и страдания.

Протарх. Да, это, конечно, другая идея удовольствия и страдания, возникающая благодаря ожиданию самой души помимо тела.

Сократ. Ты правильно понял. Я полагаю, что на примере этих, по-видимому, чистых [состояний], в которых не смешано между собой страдание и удовольствие... удовольствие же и страдание, подобно теплу и холоду и всем схожим состояниям, считать иногда желательными, иногда нежелательными, так как сами они не блага, но лишь по временам некоторые из них принимают природу благ» [11]. Диалог продолжается и продолжается.

Страдания сопряжены с болью, горечью, скорбью и печалью

В диалогах и текстах Платона страдание описывается через боль, горечь, скорбь и печаль. Так, Сократ говорил, что при разрушении природы живых существ «возникают печали, страдания, боли и прочее, обозначаемое подобными названиями» [12]. В беседах о природе страдания Сократ вопрошает Протарха: «Гнев, страх, тоска, горесть, любовь, ревность, зависть и тому подобные чувства разве ты не считаешь своего рода страданиями души?» [13]

Скорбь в искусстве и в реальной жизни

Рассуждая о влиянии искусства на наши чувства и о наших реальных переживаниях, древние философы стремились сформулировать основные идеи, к которым они приходили в результате обобщения опыта своих рефлексий на себя и на других. Обратимся к диалогам Сократа с другими философами:

«– Выслушай и суди сам: мы – даже и лучшие из нас – слушая, как Гомер или кто иной из творцов изображает какого-либо из героев, охваченных скорбью и произносящих длинную речь, полную сетований, а других заставляет петь и в отчаянии бить себя в грудь, испытываем, как тебе известно, удовольствие и, поддаваясь этому впечатлению, следим за переживаниями героя, страдая с ним вместе и принимая все это всерьез <...>

А когда с кем-нибудь из нас приключится собственное горе, заметил ли ты, мы гордимся обратным – способностью сохранять спокойствие и не терять самообладание? В этом ведь достоинство мужчины...» [14]. Платон устами Сократа говорит о том, что чужие переживания неизбежно для нас заразительны. Так, Гомер – первый из творцов трагедий – послужил чувствам человека. Благодаря искусству в душах людей воцаряются удовольствие и страдание. Но Сократ полагал, что паче чувств, «тогда в этом государстве воцарятся у тебя удовольствия и страдания вместо обычая и разумения» [15].

Забота о духовной крепости

Философы древней Греции заботились о духовной крепости своих сограждан и размышляли о том, как укреплять их души. Со многими чувствами человека (например, с эросом) связано удовольствие и страдание, кроме того, страх, гнев и все прочие чувства [16].

Удовольствия – приманка зла

Бессмертная душа человека, заключенная в тело, – это еще не вся суть человека. В нем есть «еще один смертный вид души», в котором вложены «опасные и зависящие от необходимости состояния: для начала – удовольствие, эту сильнейшую приманку зла, затем страдание, отпугивающее нас от блага, а в придачу двух

неразумных советчиц – дерзость и боязнь – и, наконец, гнев, который не внемлет уговорам, и надежду, которая не в меру легко внемлет обольщению» [17].

Мы видим, что диалоги о государстве в большей мере были посвящены анализу природы человеческой души, ее стремлению к удовольствию и ее страданиям, горечи и печали.

В продолжение суждений Платона о страдании и сопутствующих ему боли, горечи, скорби и печали продолжил размышлять его ученик и приверженец Аристотель.

Кто воздерживается от телесных удовольствий, тот благоразумен

Вслед за своим наставником Аристотель писал: «Признаком [тех или иных нравственных] чувств следует считать вызываемое делами удовольствие или страдание. Ведь кто, воздерживаясь от телесных удовольствий, этим и доволен, тот благоразумен, а кто тяготится – распущен, так же как тот, кто с радостью противостоит опасностям или по крайней мере не страдает от этого, мужественен, а кому это доставляет страдание – труслив. Ведь нравственная добродетель сказывается в удовольствиях и страданиях: ибо если дурно мы поступаем ради удовольствия, то и от прекрасных поступков уклоняемся из-за страданий.

Вот поэтому, как говорил Платон, с самого детства надо вести к тому, чтобы наслаждение и страдание доставляло то, что следует; именно в этом состоит правильное воспитание» [18].

Необходимость развития в человеке нравственных добродетелей

Аристотель писал о необходимости развития в человеке нравственных добродетелей: «Я имею в виду нравственную добродетель, ибо именно она сказывается в страстях и поступках, а тут и возникает избыток, недостаток и середина. Так, например, в страхе и отваге, во влечении, гневе и сожалении и вообще в удовольствии и в страдании возможно и “больше” и “меньше”, а и то и другое нехорошо. Но все это, когда следует, в должных обстоятельствах, относительно должного предмета, ради должной цели и должным способом, есть середина и самое лучшее, что как раз и свойственно добродетели» [19]. Аристотель уповал на ценность умеренности – «середины», как называл он это равновесие чувств.

«В поступках бывает избыток, недостаток и середина»

Далее Аристотель писал: «Точно так же и в поступках бывает избыток, недостаток и середина. Добродетель сказывается в страстях и в поступках, а в этих последних избыток – это проступок, и недостаток [тоже не похвалят], в то время как середина

похвальна и успешна; и то и другое между тем относят к добродетели.

Добродетель, следовательно, есть некое обладание серединой...

Зло принадлежит беспредельному

Добавим к этому, что совершать поступок можно по-разному (ибо зло, как образно выражались пифагорийцы, принадлежит беспредельному, а благо – определенному), между тем поступать правильно можно только одним-единственным способом... В этом, стало быть, причина тому, что избыток и недостаток присущи порочности (kakia), а обладание серединой – добродетели» [20].

Трудно держаться того, что нам заведомо известно.

Аристотель полагал, что нередко случается, когда человеку трудно рассудить, какой поступок какому следует предпочесть и что во имя чего следует вынести. А «еще труднее держаться того, что нам заведомо известно, ведь, как правило, либо нас ожидает страдание, либо принуждение к постыдным [действиям]; вот почему хвалу и осуждение получают в зависимости от того, по принуждению или нет совершен поступок» [21]. Остается только поражаться тому, что суждения древних философов неизменно значимы и сегодня, и тому обстоятельству, что сколь верными и тонкими ни были бы суждения мыслителей, исповедующих нравственные принципы, человечество топчется на месте и не поддается вразумлениям.

Люди выбирают удовольствие, принимая его за благо

Аристотель неустанно повторял о типичных особенностях человека: «Удовольствие выбирают, принимая его за благо, а страдания избегают, считая его злом» [22]. Аристотель указывал на то, что трус преисполнен страха. Философ писал о трусе: «Ему недостает также отваги, и чрезмерность [его страха] особенно заметна при страданиях. Действительно, страдая, трус легко теряет надежду: ведь ему все страшно. А мужественный ведет себя противоположным образом, ибо человеку, надеявшемуся на себя, свойственна отвага.

Благоразумный не страдает при отсутствии удовольствий

Итак, трус, смельчак и мужественный человек имеют дело с одним и тем же, но относятся они к этому по-разному: у одного избыток, у другого недостаток, а третий обладает серединой [между крайностями] и [ведет себя] как следует» [23]. Аристотель писал о том, что благоразумный человек «не страдает при отсутствии удовольствий, и за воздержание от них» [24].

Философ полагал, что страдание или удовольствие необязательно уничтожают представления человека о

Безудержные
робость и скорбь –
аффекты,
угрожающие жизни

том, как следовало бы жить ему в этом мире [25]. На многих и многих страницах своего труда «Никомахова этика» философ обсуждал перипетии аффектов человека в связи со страданием и печалью.

Много времени спустя И. Кант счел для себя правильным обратиться к проблеме печали. Он писал: «Чувство, побуждающее человека *оставаться* в том состоянии, в котором он пребывает, *приятно*; чувство, побуждающее его выйти из этого состояния, *неприятно*. В соединении с сознанием первое называется *наслаждением* (*voluptas*), второе *досадой* (*taedium*). В качестве аффекта первое называется *радостью*, второе *печалью*. *Безудержная радость* (не умеряемая каким-либо опасением страдания) и *безысходная печаль* (не смягчаемая надеждой), *скорбь*, – это аффекты, угрожающие жизни. Из списков умерших стало известно, что больше людей *скоропостижно* умерло от радости, чем от печали; объясняется это тем, что при неожиданной возможности неизмеримого счастья душа полностью предлагается *надежде* как аффекту, и этот аффект усиливается до того, что душист человека; напротив, скорби с ее постоянными опасениями душа естественным образом всегда противится, и поэтому скорбь убивает медленно» [26]. И. Кант анализировал различия самих аффектов, самих страстей человеческих.

Аффекты как
болезненные
симптомы

Философ писал: «Вообще аффекты – болезненные проявления (симптомы) и могут быть ... разделены на *стенические*, происходящие из силы, и *астенические*, происходящие из слабости. Первые носят *возбуждающий* характер и вследствие этого часто ведут к истощению, вторые снимают напряжение жизненной силы, но этим часто подготавливают и отдохновение. Смех в соединении с аффектом есть *конвульсивная веселость*. Плач сопровождает *томительное* ощущение бессильного гнева на судьбу или на других людей как бы от нанесенной ими обиды; и это ощущение есть *тоска*. Однако и то и другое – смех и плач – рассеивают грусть» [27]. И. Кант специально рассматривал чувства удовольствия и неудовольствия, аффекты, от них возникающие, и безысходную печаль, которую не смягчает надежда и таящиеся глубоко в душе желания.

Г. В. Ф. Гегель, обсуждая страсти гнева, не обратил своего внимания на страсти печали и уныния. В последующем времени многие философы не затрудняли своего сознания проблемами некоторых страстей человеческих.

Философы XX–XXI вв. обращали свой умственный взор к страстям человеческим

Тем не менее и в наше время (XX–XXI вв.) философы продолжали обращать свой умственный взор к страстям человеческим, в том числе к страстям гнева, печали, уныния и любви.

Классической работой в этом отношении принято считать исследование З. Фрейда «Печаль и меланхолия».

З. Фрейд анализировал тяжелые формы печали. Он писал: «Тяжелая печаль – реакция на потерю любимого человека», отличающаяся «страдальческим настроением, потерей интереса к внешнему миру». При исключительной погруженности в печаль не остается никаких интересов.

Ученый исходил, однако, из своей собственной субъективной практики. Не только потеря любимого человека, но и потеря значимой профессиональной деятельности, вообще потеря сложившихся условий бытия или попадание в условия природных, техногенных или иных катастроф может ввергнуть человека в печаль и уныние. Однако З. Фрейд был безусловно прав, когда писал, «что задержка и отсутствие интереса всецело объясняется работой печали, полностью захватившей “я”».

Печаль обедняет и опустошает мир. А в соединении с унынием печаль низвергает человека в тяжелые безысходные страдания» [28].

Любовь сопряжена со страданием

Современный испанский философ Х. Ортега-и-Гассет размышлял о любви и страдании. Он писал: «О любви так много лгали поэты, что едва ли вывернули ее наизнанку: им она видится чем-то сладостным и роковым, тогда как на самом деле она – ни то ни другое. Любовь, истинная любовь, всегда изъяслена страданием, это крик неутомимой боли на горизонте человеческой истории. Кроме того, каждый, кто когда-нибудь любил и способен отодвинуть общепринятое, чтобы прямо взглянуть на свой внутренний мир, понимает, что страсть не была ему навязана, что ей предшествовал ясный момент, когда он сам свободно принял ее. Правда, большая любовь, как и великие идеи, рождается обычно внезапно, в одно мгновение; но даже в этом случае было бы неправильно определять ее как нечто необоримое, застающее нас врасплох. Напротив, мы видим, как впереди распаивается пылающая пропасть, бездна страданий, и сами, по собственной доброй воле бросаемся в нее».

Философ полагал, что в любви человек дает молчаливое и осознанное согласие терпеть боль, страдание и

печаль. В любви заложена способность к страданию. «Так вот, это высокое принятие боли – самое восхитительное, что есть в мире. Все прекрасное родилось от избытка сердца, того же чувства, что испытывает мать по отношению к сыну или влюбленная женщина к мужчине, которого боготворит. <...>

Следует различать
доброе и злое
страдание

Существует, таким образом, доброе и злое страдание. Граница между ними четко видна. Злое страдание слепо и жестоко обрушивается на нас, словно кара немого, безымянного тирана за неведомые преступления. А доброе страдание мы ищем сами, сами спокойно идем к нему... Злую боль мы выдерживаем, а добрую создаем усилием нашей воли, и длится эта боль, пока жива наша воля» [29].

Х. Ортега-и-Гассет полагал, что на данном этапе развития человечества следует воздать должное благотворной силе страдания. Таким образом, еще раз подчеркнем, философ разделяет доброе и злое страдание. Доброе страдание развивает и облагораживает душу. Злое страдание толкает человека в бездну печали и уныния.

Разрушительная
сила зла

Современные эмпирические исследования страданий приводят ученых к убеждению в том, что зло действует с разрушительной силой.

Так, М. Симан рассматривал отчужденное зло как причину беспомощности человека. Беспомощность – неспособность человека справиться со своими проблемами, душевная слабость, нужда в помощи и поддержке сторонних лиц [30]. Беспомощность провоцирует пробуждение таких страстей, как печаль и уныние.

Зло сильнее добра?

Другие исследователи, например, Р. Ф. Баумейстер с соавторами в своей работе «Зло сильнее добра» указывали, что психологические травмы приводят к сильным и продолжительным негативным реакциям [31]. Согласно этим исследователям, сильное травматическое переживание может привести к долговременным нарушениям психического здоровья, самооценки и отношений. Исследователи при этом не сочли возможным считать, что позитивные переживания приводят к столь же значительным последствиям.

В результате травмирующего события возможны реакции, которые приводят к страстям, отчуждающим человека от себя.

Современных исследований печали и уныния как следствия травмирующих страданий весьма незначительное число.

Уныние, возникающее в ситуациях строгой изоляции

Однако есть описание особого феномена уныния – уныния, возникающего в ситуациях строгой изоляции пожизненного осуждения.

Как показывают исследования В. С. Мухиной психических состояний осужденных пожизненно, эта категория, лишенная возможности планировать свое будущее, находится под прессингом отчужденного наказания. Динамика состояний осужденных пожизненно зависит от условий пребывания в строгом содержании: от надзирающих, от сокамерников, от содержания или задержки писем от родных. Их состояния зависят от внутреннего течения душевной жизни и от категоричного лишения их будущего, в котором они могли бы планировать свою жизнь. Они становятся сензитивными к слову, к взгляду, к вниманию и к отсутствию внимания. Они тревожны.

Амбивалентные состояния находящихся в узах

В. С. Мухина писала о совершивших тяжкие преступления: «Они то добры и готовы действовать, то усталы и еле движутся. Они то впадают в состояние эйфории и готовы безудержно радоваться бытию, благодушно пребывая в хорошем состоянии духа, то впадают в состояние тревоги или уныния» [32].

Находящиеся в узах весьма часто (особенно в начале и в первые годы заключения) переживают состояние тюремного аутизма [33], уходят в аут эмоционального дискомфорта [34].

Тревожность и уныние устойчивые состояния осужденных пожизненно

Осужденные пожизненно то впадают в эйфорию, то в состояние уныния. Это вполне адекватные их реальному положению изнуряющие чувства. *Тревожность* и *уныние* – устойчивые состояния пожизненно осужденных, особенно в первые годы заключения.

Один из осужденных пожизненно сообщил психологу свое ощущение особенностей своих сотоварищей: «Все они отличаются мнительностью, ранимостью, неверием другим.

Все они отличаются невероятной потребностью к самовозвышению, потребностью навязывать свою волю другим. Все они “ужасно унылы”» [35].

Печаль и уныние – тяжелые страсти, разрушающие телесную бодрость и душевную стойкость человека. Эти страсти не имеют ничего позитивного для состояния психики человека.

Сущность человека в двоичном духовном складе

Человек несет в себе два начала: ему присущи высокие добродетели и низкие пороки, негативные психические состояния.

Человек несет в себе позитивные черты: он – добродетелен, добр, отзывчив, способен сопереживать; он

сдержан к пище, он лишен духа блуда, сребролюбия, гнева, печали, уныния, тщеславия и гордости.

Человек несет в себе негативные черты: он греховен и страстен в своей греховности. Его слабости: чревоугодие, дух блуда, дух сребролюбия, дух гнева, печали и уныния.

Подчас позитивные и негативные черты уживаются в одном и том же человеке. Мы выходим победителями из брани со своими страстями, когда контролируем свои спонтанные порывы, но страсти поджидают нас, чтобы прорваться, наконец, в момент послабления пристального самоконтроля.

Наша психика подвержена влияниям прилогов и помыслов

Однако слаб человек. Наша психика подвержена постоянным влияниям, казалось бы, невинных, спонтанных прилогов и помыслов, за которые мы уже должны нести ответственность перед своей совестью, перед окружающими нас людьми и перед Богом.

Гнев, печаль и уныние мы рассматриваем как вариант аддиктивного поведения. Зависимость от страсти гнева, печали и уныния неизбежно приводит человека к личностной дезорганизации, к деструктивному поведению и к деструктивизации его нравственных ценностных ориентаций. По существу, гнев, печаль и уныние кардинально изменяют позитивный личностный потенциал человека.

Страсти предопределяют развитие парциальной личности

Гнев, печаль и уныние предопределяют развитие частичной, парциальной личности. Гневающийся, печалющийся и унывающий человек не может быть целостной личностью – ведь обсуждаемые страсти подтачивают возможность сохранения мотивационной и внутренней целостности.

Мы уже писали о том, что понятие «культура» включает в себя не только *позитивные* качества человека, но и *негативные*. И те и другие – результат исторического развития человечества.

В процессе истории человечество обрело способность возвращать в себе высокие духовные качества, которые могут быть проявлены во множестве условий нашей обыденной и экстремальной жизни. Но человечество в процессе истории обрело способность возвращать в себе закономерно сопутствующие достижениям низкие, неодобряемые нравственными ожиданиями человечества качества.

Страсти человеческие – порок культуры

Гнев, печаль и уныние, как спонтанно возникающие страсти, в истории человечества с незапамятных времен начали осознаваться как *порок культуры*.

Гнев, печаль и уныние, влияющие на уничтожение души человека, страсти, которые являются пороком,

взращенным человечеством в его истории. Так как человек несет ответственность за себя самого и за свое присутствие в мире, гнев, печаль и уныние являются пороком и каждого конкретного человека.

1. *Святой Иоанн Кассиан*. Обзорение духовной брани // Добротолюбие. – Т. 2. – М., 1998. – С. 70.
2. *Там же*.
3. *Там же*. – С. 71.
4. *Там же*. – С. 75.
5. *Преподобный Нил Синайский*. Аскетические наставления // Добротолюбие. – Т. 2. – М., 1998. – С. 270–274.
6. *Там же*. – С. 274–277.
7. *Святой Ефрем Сирианин*. Подвижнические наставления // Добротолюбие. – Т. 2. – М., 1988. – С. 432–439.
8. *Там же*. – С. 441–444.
9. *Святой Иоанн Лествичник*. Подвижнические уроки // Добротолюбие. – Т. 2. – М., 1988. – С. 573.
10. *Там же*. – С. 573–575.
11. *Платон*. Флеб: Собр. соч.: В 4 т. – Т. 3. – М., 1994. – С. 32–33.
12. *Там же*. – С. 47.
13. *Там же*. – С. 54.
14. *Платон*. Государство: Собр. соч.: В 4 т. – Т. 3. – М., 1994. – С. 403.
15. *Там же*. – С. 404.
16. *Там же*. – С. 444.
17. *Там же*. – С. 475.
18. *Аристотель*. Никомахова этика: Соч.: В 4 т. – Т. 4. – М., 1984. – С. 81.
19. *Там же*. – С. 86.
20. *Там же*.
21. *Там же*. – С. 96.
22. *Там же*. – С. 104.
23. *Там же*. – С. 110–111.
24. *Там же*. – С. 113.
25. *Там же*. – С. 177.
26. *Кант И*. Антропология с прагматической точки зрения: Собр. соч.: В 8 т. – Т. 7. – М., 1994. – С. 288.
27. *Там же*. – С. 289.
28. *Фрейд З*. Печаль и уныние // Основные психологические теории в психоанализе. – М.; Пг., 1923. – С. 175.

29. Ортега-и-Гассет Х. Этюды о любви. – СПб., 2003. – С. 165–167.

30. Seeman M. On the Meaning of Alienation // Alienation and the Social System / Ed. with Introductory Essays by A. W. Finifter. – N.Y. etc. – P. 46–47.

31. Baumeister R. F., Bratslavsky E., Finkenauer C., Vohs K. D. Bad is Stronger than Good // Review of General Psychology. – 2001. – Vol. 5. – № 4. – P. 327.

32. Мухина В. С. Отчужденные: Абсолют отчуждения. – 2-е изд. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2010. – С. 221.

33. Там же. – С. 148.

34. Там же. – С. 32, 148, 160 и далее по всему тексту книги.

35. Там же. – С. 360.

